

**Анализ понятий памяти и истории
в контексте идеи времени:
интерпретация концепции коллективной памяти
в полемике с теорией Райнхарта Козеллека***

Дж.Э. Бараиш

Пикардийский университет имени Жюль Верна, Амьен, Франция

Аннотация

Статья посвящена анализу понятий памяти и истории с позиций идеи временной конечности и интерпретации концепции коллективной памяти в контексте учения Р. Козеллека. Немецкий историк обосновывал идею уникальности живой памяти непосредственных участников событий и подвергал критике концепцию коллективной памяти. Козеллек настаивает на том, что воспоминания всегда носят личностный характер, они обусловлены конкретным историческим контекстом эпохи, спецификой образа жизни и особенностями мировоззрения и характера действующих субъектов. После ухода из жизни носителей живой памяти представления об эпохе утрачивают свою аутентичность и их смысл в коллективном сознании изменяется. В этом отношении памятники и мемориальные мероприятия теряют свое первоначальное значение в процессе смены поколений. Козеллек подвергает критике теорию коллективного сознания и коллективной памяти Э. Дюркгейма и его последователя М. Хальбвакса. С точки зрения немецкого ученого, представители социологической школы неоправданно абсолютизируют влияние общественного сознания на формирование мировоззрения отдельного индивида и недооценивают факторы темпоральности и конечности живой памяти. Автор статьи детально анализирует аргументацию Хальбвакса и Козеллека и предлагает собственную интерпретацию понятия коллективной памяти. По мнению автора, Хальбвакс исследовал главным образом малые коллективы, Козеллек изучал коллективную память в глобальном значении, как культурно-историческое образование. Оба исследователя признают роль социальных структур, присущих историческим эпохам, влияющим на индивидуальное и общественное сознание поколений и содержание их воспоминаний, констатируют интересную субъективность знаний о прошлом. Автор статьи предлагает рассматривать символы не как единичные знаки, а в качестве средства структурирования пространственно-временных и концептуальных значений

* Французская версия статьи была опубликована в журнале «Revue germanique internationale» (2017. Т. 25. С. 109–118).

посредством языка, благодаря чему становится возможной передача опыта в публичной сфере. Если применить данную расширенную трактовку символов к концепции коллективной памяти, напрашивается вывод, что в сфере общественной жизни посредством данных символических знаков формируется система знаний интеллигибельного характера, распространяющихся в том же контексте современности, в котором осуществляется коммуникация отдельных индивидов и взаимосвязанных ограниченных социальных групп.

Ключевые слова: память, историческая память, коллективная память, пассивная память, забвение, временная конечность памяти.

Бараш Джеффри Эндрю – профессор философского факультета Пикардийского университета имени Жюль Верна.

jabarash@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-3677-6383>

Перевод с французского:

Мачульская Ольга Игоревна – научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН.

hermeneutique.academie@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9040-0160>

Для цитирования: Бараш Дж.Э. Анализ понятий памяти и истории в контексте идеи времени: интерпретация концепции коллективной памяти в полемике с теорией Райнхарта Козеллека // Философские науки. 2020. Т. 63. № 9. С. 18–34. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-9-18-34

The Temporal Articulations of Memory and of History: An Interpretation of Collective Memory in Debate with the Work of Reinhart Koselleck*

J.A. Barash

Jules Verne University of Picardy, Amiens, France

Abstract

In his later work, notably in the posthumously published essays in his book *Vom Sinn und Unsinn der Geschichte* (On the Sense and Non-Sense of History, 2010), the historian Reinhart Koselleck firmly rejected the concept of “collective memory.” Memory, as he stated, belongs to individuals and not to collectivities. This article, while recognizing the originary status of personal memory and the fact that groups as such do not remember, no more than they have an autonomous, substantial existence, interprets the nebulous concept of collective memory that Koselleck so harshly criticized.

* The French version of this article was published in *Revue germanique internationale* (2017. Vol. 25, pp. 109–118).

Through close examination of the grounds of Koselleck's critique of this concept, and of the theory of historical time he elaborated, I aim to delineate, through interpretation of the symbol and of the public scope of symbolic interaction, the specific domain in which collective memory comes to expression. I undertake this task by referring to the work of Maurice Halbwachs who initially introduced the term and the concept of "collective memory" in his writings in the 1920s and in his posthumously published book, *Collective Memory*. As I note, Koselleck subjected this work to harsh criticism in his later essays, for he doubted that the concept of collective memory Halbwachs introduced was anything more than an artificial construction. The response I provide to Koselleck's objections extrapolates from the interpretation of collective memory I present in my recently published work *Collective Memory and the Historical Past* (2016). According to my argument, while Halbwachs was concerned with collective memory above all as it is retained by small groups and families, a modified theory of collective memory that focuses on shared memory retained by large groups in the *public* sphere provides us with the key for responding to Koselleck's critique. In the framework of my interpretation, symbols are grasped not as isolated signs, but in the broadest sense, as ways of configuring the spatio-temporal and conceptual meaning through language, styles, and gestures that make possible the communication of experience in the public sphere. Symbols in this broad sense underlie experience and memory that lend publicly identifiable significance to political, religious, aesthetic, and other facets of our everyday world. If we apply this conception of collective memory to the work of Koselleck himself, I argue that it closely corresponds to a view of iconographical symbols, and of the changes they undergo among different generations over time, which Koselleck himself advanced in his pioneering writings on monuments and war memorials.

Keywords: memory, historical memory, collective memory, passive memory, oblivion.

Jeffrey Andrew Barash – Professor Emeritus, Jules Verne University of Picardy.

jabarash@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-3677-6383>

Translated from French into Russian by:

Olga I. Machulskaya – Research Fellow, Department of Modern Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

hermeneutique.academie@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9040-0160>

For citation: Barash J.A. (2020) The Temporal Articulations of Memory and of History: An Interpretation of Collective Memory in Debate with the Work of Reinhart Koselleck. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 9, pp. 18–34.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-9-18-34

Введение

Мне довелось неоднократно встречаться с Райнхартом Козеллеком в Нью-Йорке в начале 80-х годов XX века. Наши встречи проходили при посещении различных мемориалов и, в частности, памятников, посвященных событиям Гражданской войны в США 1861–1865 годов и Первой мировой войны. Во время этих встреч мы беседовали, и чаще всего речь шла о символике и специфическом значении американских памятников по сравнению с аналогичными памятниками в Германии или во Франции. Козеллек работал над проблемой памяти о погибших, и наши диалоги часто затрагивали тему теории памяти, которой я также занимаюсь. Отвечая на мои вопросы, Козеллек высказал идею, которую он развил в дальнейшем в своих трудах: свидетельства реальных участников катастрофических событий истории XX века играют важнейшую роль в их реконструкции, и неизбежный уход последних живых очевидцев существенно повлияет на содержание исторической памяти человечества, относящейся к данной эпохе¹. Тем не менее фактическое изменение характера воспоминаний, происходящее после ухода из жизни последних свидетелей, не означает, что мы должны полностью принять концепцию Козеллека, подвергавшего, начиная с 80-х годов, решительной критике понятие коллективной памяти. В дальнейшем, в интервью на данную тему, немецкий ученый связывает идею коллективной памяти со своим личным опытом эпохи его молодости в нацистской Германии в довоенный период и во время Второй мировой войны, когда он был солдатом вермахта на Восточном фронте. «Я категорически против понятия коллективной памяти, я утверждаю это потому, что на собственном опыте испытал давление коллективной памяти, доминировавшей в период нацизма на протяжении двенадцати лет моей жизни... Я знаю, что подлинная память не зависит от так называемой коллективной памяти... Те люди, которые объявляют себя хранителями коллективной памяти, те, кто финансируют, воспроизводят и используют эту идею для того, чтобы поддерживать чувство уверенности и безопасности в общественном сознании, на мой взгляд, всего лишь преследуют определенные идеологические цели» [Koselleck 2006, 113].

¹ В дальнейшем он написал об этом следующее: «Вместе с исчезновением непосредственных, подлинных, первичных, не подверженных посторонним влияниям носителей опыта, весь ландшафт памяти и представлений об истории трансформируется» [Koselleck 2010, 255].

В своем выступлении, посвященном памяти о событиях капитуляции Германии 8 мая 1945 года, Козеллек вновь демонстрирует настойчивое неприятие концепции коллективной памяти. Он заявляет, что оспаривает корректность данного понятия: невозможно передать другому человеку воспоминания о непосредственно пережитом личном опыте, в частности, воспоминания о концентрационных лагерях времен Второй мировой войны. «Принимая во внимание глубину потрясения от пережитого, следует иметь ввиду, что опыт послевоенных поколений и их потомков, не побывавших лично в концлагерях, является вторичным. А поскольку лично пережитые страдания узников концлагерей и их воспоминания аутентичны, они оставляют прямой и непосредственный след в памяти. Вероятно, обо всем этом трудно рассказывать. Но веру в то, что коллективные воспоминания или коллективная память существуют, о чем так любят говорить в наши дни, перечеркивает опыт Германии. Этот неосознанный и неосмысленный опыт, угасающий после физического ухода индивида, не может быть воспроизведен в его аутентичной форме в воспоминаниях других людей, в памяти тех, кто его не пережил» [Koselleck 2010, 244].

Райнхарт Козеллек обоснованно настаивает на уникальности личных воспоминаний и их недоступности для другого человека, даже если немедленно рассказать собеседнику о пережитом. Радикальный характер критики выражения «коллективная память», предпринятой немецким историком, порождает вопрос: какой смысл он вкладывает в данное понятие? Можем ли мы констатировать уникальность личной памяти и тот факт, что группы как таковые подобной памятью не обладают? А значит, само их существование нереально, и это есть доказательство, что нет и не может быть понятия коллективная память, которое Козеллек настойчиво ставит со знаком вопроса. Далее я продолжу анализ критики данного понятия, предпринятой немецким историком, что позволит нам, опираясь на теорию истории и исторического времени Козеллека, предложить новую интерпретацию понятия коллективной памяти.

Историческое время, конечность памяти и ее связь с настоящим

В выступлении Козеллека, посвященном памяти о событиях, сопровождавших капитуляцию Германии 8 мая 1945 года, пред-

ставлен один из его редких комментариев концепции коллективной памяти, в котором подчеркивается, что предпринятая ученым радикальная критика относится к источнику данного понятия. Козеллек подвергает сомнению интерпретацию понятий «коллективный разум» и «коллективная память», предпринятую социологической школой Эмиля Дюркгейма и его ученика Мориса Хальбвакса. Козеллек отвергает в концепциях этих авторов ряд положений – так называемые лингвистические конструкции, своеобразные «квазирелигиозные идеологемы, которые, как предполагается, должны привести к созданию единой мистической веры в системе национальных отношений» [Koselleck 2010, 257]. По мнению Козеллека, в результате идеологической критики становится ясно, что «они являются прежде всего условиями возможности коллективного опыта, который всегда оказывается чьим-то собственным опытом» (*kollektive Bedingungen der je eigenen Erfahrung*). Такими «условиями возможности» являются языковые, психологические, социальные, политические, экономические, религиозные, возрастные и прочие факторы; этот список далеко не исчерпан [Koselleck 2010].

Мы выйдем за рамки данного анализа, если вступим в дискуссию по вопросу о теологических и национальных предпосылках, образующих перспективу дюркгеймовской школы. Разумеется, сам Хальбвакс, происходивший из протестантской семьи Эльзаса, был убежденным членом Народного фронта Франции в 30-е годы, в период работы над книгой «Коллективная память», которая была опубликована посмертно после окончания Второй мировой войны. Из-за своих политических убеждений Хальбвакс был арестован в 1944 году нацистскими оккупационными властями и погиб в концлагере Бухенвальд. Не останавливаясь специально на этой теме, я хочу подчеркнуть, что для интерпретации концепции коллективной памяти нет необходимости углубляться в рассмотрение проблемы социальных предпосылок коллективного сознания и его предполагаемого первенства по отношению к личной идентичности. Действительно, во второй части данного исследования мы увидим, что можно позаимствовать у Хальбвакса элементы интерпретации коллективной памяти без принятия фундаментальных социологических установок, лежащих в ее основании. Таким образом, главную роль играет вопрос, заключающийся в том, чтобы суметь правильно определить сферу коллективной памяти, преодолев ограничения, установленные для нее Козеллеком.

Мы обнаруживаем важные показатели, позволяющие пролить свет на рассуждения Козеллека о коллективной памяти в разрабатываемой им теории истории, прежде всего – в его книге «Прошедшее будущее». На данном уровне анализа предметом его размышлений является не столько общность умонастроений или коллективное сознание в социологическом смысле, сколько взаимодействие различных точек зрения в рамках определенного исторического контекста. С этой целью он акцентирует внимание на роли интересубъективных или межчеловеческих отношений в процессе конституирования различных исторических формаций. Согласно его теории, изложенной в книге «Прошедшее будущее» (1979), в главе «Представления, события и структура», интересубъективные отношения и исторические формации, которые они образуют, выстраиваются во взаимосвязи с теми структурами, в которых происходят исторические события и в рамках которых они обретают смысл [Koselleck 1979, 147–148]. В этом значении структуры – это то, что Козеллек называет «условиями возможности» событий. Например, соотношения друг-враг или конституционные формы организации общества и типы политических режимов, экономические связи или естественная смена поколений, предполагающая возможность конфликтов или формирования традиций [Koselleck 1979, 148–149]. Эти структурирующие исторические предпосылки социальной жизни не являются неизменными и в силу их переплетений и мутаций отражают в разные периоды исторического развития специфику интересубъективных и межличностных взаимодействий. Как поясняет Козеллек, эти структуры относятся не только к отдаленным эпохам, которые изучают историки, но и к недавнему прошлому, запечатленному в памяти современных поколений. Таким образом, в главе «Репрезентация, событие, структура» историк применяет свою концепцию интерпретации структурных предпосылок к современникам живущих участников событий, и результаты этого анализа фактически почти аналогичны тем данным, которые содержались бы в коллективной памяти, если предположить, что таковая возможна, о чем он заявит в дальнейшем. При этом в своей книге «Прошедшее будущее» он не обсуждает подробно данную проблему, а лишь заявляет о том, что структуры и их модификации доступны эмпирическому восприятию «до тех пор, пока их существование не превышает период живой памяти поколений непосредственных участников событий» [Koselleck 1979, 148].

Это впечатляющий способ выделять не только наложение и трансформирование структур, регулирующих межсубъектные отношения в процессе перехода из одной исторической эпохи в другую, но также, помимо воспоминаний современников, – *границы* эмпирической видимости структур и их модификаций; поднимает проблему временной *конечности* памяти человека, сформулированную Козеллеком. Он обсуждает эту тему во время дискуссии с Гансом-Георгом Гадамером в 1985 году, материалы дискуссии были опубликованы спустя два года под названием «История и герменевтика» («Historik und Hermeneutik»). В процессе этой дискуссии Козеллек акцентирует внимание на исторической «конечности», присущей межличностным отношениям и структурам, которые их регулируют. В ходе дискуссии Козеллек подвергает сомнению предположение Хайдеггера о том, что темпоральность истории проистекает из конечной единичности – Dasein – как бытия-к-смерти. Таким образом, концепция Козеллека об «интерсубъективной конституции исторических времен» направлена на преодоление ограниченности позиции Хайдеггера, связывавшего временную конечность всего лишь с конечной единичностью – Dasein. Козеллек пишет об этом следующее: «Исторические эпохи не идентичны и не могут быть выведены из экзистенциальных модальностей, выступающих по отношению к людям в качестве “Dasein”. Исторические эпохи изначально конституируются в качестве интерсубъективных образований; это всегда вопрос одновременности и не-одновременности, выявления различий, скрывающих их собственную конечность и неспособность вернуться к “существованию” (Existenz)» [Koselleck 2003, 100–101].

Согласно Козеллеку, интерпретация времени человеческого существования выводит нас на понимание конечности, простирающееся за пределы ее узкой трактовки, установленные экзистенциальной аналитикой Хайдеггера. Речь здесь идет о таком видении конечности, для которого не принципиальна неизбежность смерти для каждого индивида, поскольку она представляет собой лишь одну из форм человеческой конечности. На более высоком уровне интерпретации мы можем идентифицировать конечность как характерный атрибут существования групп и их исторической перспективы, не тождественный коллективному сосуществованию единичностей бытия-к-смерти в хайдеггеровской интерпретации.

Эти размышления Козеллека о конечности временного существования групп возвращают нас к изначально поставленному в данной статье вопросу: если мы согласимся с немецким историком в том, что по сути память – способность конкретных личностей и что в строгом смысле слова группы не могут быть носителями определенной памяти, сам факт того, что коллективы людей обладают мировоззрением, свойственным их времени, а кругозор членов сообщества выходит за пределы индивидуальной ограниченности, – не позволяет ли это утверждать, что существует определенная временная специфика, присущая коллективной памяти? С моей точки зрения, анализ ряда предпосылок – лингвистических, психологических, социальных, политических, экономических, гендерных и иных разнообразных факторов, который Козеллек предпринял в процессе исследования истории и памяти, не позволяет в достаточной мере выявить специфику коллективной памяти в современную эпоху и продемонстрировать ее отличие от иных, более отдаленных исторических периодов. Во второй части данной работы я постараюсь показать, что именно понятие современности позволяет лучше представить поле коллективной памяти в ее временной конечности и обосновать ее уникальность в истории.

Коллективная память и разрыв контекста

Понятие современности подразумевает прежде всего присутствие фундаментальной функции живой памяти эпохи, хранителями которой являются не отдельные личности, а социальные группы, живущие в определенном, присущем им контексте. Имеется ввиду память, формирующаяся на различных уровнях как в области малых групп, так и больших сообществ.

Основополагающая форма памяти обладает свойством, присущим всем другим формам памяти, – способностью сохранять живой и непосредственный опыт встреч, их контекста и окружающей среды в рамках жизненного мира. Любая другая память, не относящаяся к сфере непосредственных воспоминаний, так сказать из первых уст, может быть лишь опосредованной. Вот почему без контекста непосредственных личных контактов и жизненного опыта очевидцев большие группы, в том числе и крупные социальные сообщества, народы и нации, имеют довольно ограниченный жизненный опыт. Их совместные воспоминания, как правило, формируются косвенным образом со слов

других людей, они проистекают из вторичной памяти. В то же время прямые контакты в жизненном мире являются сложными в том смысле, что каждый человек принадлежит к совокупности групп и опосредующих объединений, обладающих совместным опытом и трансформированными знаниями, оказывающими влияние на мировоззрение отдельных индивидов. С этой точки зрения каждый человек, по словам Хальбвакса, «погружен» одновременно или последовательно в ряд различных социальных групп [Halbwachs 1968, 67–68]. Каждый индивид устанавливает, в соответствии со своей принадлежностью к различным группам и переплетением различных сфер памяти, сформировавшихся посредством этого многопланового опыта, линии преемственности между прошлым и настоящим, которые, благодаря общности временного контекста и социальных условий, образуют стабильную идентичность множества субъектов в составе различных коллективов, к которым они принадлежат.

Хальбвакс в своей работе, посвященной проблеме памяти, выявил существенное изменение, обусловленное тем, что мы определили как конечность временного поля живущих поколений. Хальбвакс описывает процесс угасания сферы воспоминаний, поддерживаемой поколениями живущих людей по мере ухода этих поколений в небытие. Как мы уже схематично отметили ранее, Козеллек признает существование аналогичного процесса, который он представляет в качестве разрыва между опытом, накопленным коллективами живущих людей, способных сразу же понять роль структур, регулирующих их отношения, и ретроспективным восприятием, посредством которого историк стремится сделать этот опыт доступным для понимания последующих поколений с учетом произошедших с течением времени исторических перемен. С моей точки зрения, углубляя анализ данного процесса, невзирая на ограничения, наложенные Козеллеком, можно прийти к осознанию смысла временной специфики коллективной памяти. С этой целью я предлагаю продолжить рассмотрение интерпретации этого процесса, предпринятой Хальбваксом, и затем перейти к изложению собственной позиции.

Как утверждает Хальбвакс, старшие представители поколения современников являются живыми свидетелями событий прошлого, о которых молодое поколение не может иметь непосредственных знаний. Образ жизни старших поколений, все еще присутствующий, хотя и находящийся на грани исчез-

новения, проявляется в непосредственном опыте и в памяти молодых современников. Уход из жизни старших поколений, помимо утраты людей и хранимых ими личных воспоминаний, означает исчезновение целостного контекста, включающего систему слов, жестов, стилей и мировоззрений. Происходит мощный раскол во временном горизонте, который чаще всего остается незамеченным. Таким образом, теория Хальбвакса позволяет очертить контуры группы современников, которая после ухода из жизни старшего поколения утрачивает собственный временной контекст, а затем частично лишается живой памяти.

Хальбвакс иллюстрирует процесс эволюции коллективной памяти, обращаясь к наглядному и выразительному примеру. Он цитирует автобиографический роман Стендаля «Жизнь Анри Брюляра», в котором автор приводит воспоминания о своем деде, родившемся в Гренобле задолго до Французской революции. Эти воспоминания безусловно носят личный характер, однако при этом в них присутствует совокупность слов, жестов и стилей, присущих дореволюционной эпохе и утраченных после революции. Как пишет Хальбвакс: «Память фиксирует не только факты, но и образ жизни и специфику мышления... Часто образ пожилого родителя под влиянием всего того, что он нам открыл относительно ушедшей эпохи и общества в прошлом, становится настолько значительным, что он представляется нам в наших воспоминаниях не в физическом плане в качестве слегка потускневшего силуэта, но в роли центрального персонажа картины, во всей полноте объема и цвета, являясь концентрированным и обобщающим выражением ее смысла» [Halbwachs 1968, 51].

Глубокий и неустрашимый разрыв, вызванный уходом из жизни поколений непосредственных очевидцев событий, не может быть преодолен с помощью ресурсов коллективной памяти. Таким образом, Хальбвакс устанавливает радикальное расхождение между коллективной памятью и историческим прошлым. После потери живой коллективной памяти только работа по дешифровке исторических данных может содействовать реконструкции, всего лишь косвенной и фрагментарной, контекста утраченного прошлого².

² Хальбвакс пишет об этом следующее: «Если необходимым условием памяти является факт того, чтобы ее субъект, как индивидуальный, так и коллективный, ощущал, что его воспоминания это часть продолжаю-

Я считаю, что теория Хальбвакса помогает распознаванию опыта повседневной жизни поколений, представители которых чаще всего избегают исторического познания и не используют имеющихся у них возможностей сохранить свой опыт. Речь идет о конкретных и неявных проявлениях, концептуальных размышлениях, привносящих нюансы и очертания в подверженный временной конечности образ жизни определенных поколений.

Хальбвакс в своей интерпретации коллективной памяти концентрирует внимание на малых группах, таких, как семья и иные коллективы, связанные тесными узами и действующие в ограниченном пространстве. Тем не менее в современном мире, продвигающемся все далее по пути глобализации, можно наблюдать, как любая совсем небольшая группа оказывается интегрированной в процесс массовой коммуникации, конституирующей общественное пространство. Вот почему, с моей точки зрения, концепция коллективной памяти на фундаментальном уровне соприкасается со сферой общественного пространства и в значительной мере – с социально-политическими формами бытия. В этом смысле концепция коллективной памяти связана с проблемой временной специфики отношений современности и общественного измерения коллективного опыта. В третьей части данного анализа я собираюсь сформулировать на новом уровне понятие коллективной памяти, отличное от того, что было предложено Козеллеком и Хальбваксом.

Символическая связь, пассивность и разнообразие времен коллективной памяти

Вместо структур и формальных условий возможности опыта, на которые ориентируется Райнхарт Козеллек, разрабатывая свою концепцию времен памяти и истории, я предлагаю сосредоточить внимание на выявлении специфики поля коллективной памяти, понятия «символических артикуляций», расширяющих область анализа за пределы взаимодействия ограниченных социальных рамок, обращаясь к выражению Хальбвакса, и дающих возмож-

щегося процесса, то каким образом история могла бы становиться памятью, в ситуации, при которой существует неизменная преемственность между обществом, читающим эту историю, и группами свидетелей или действовавших в прошлом субъектов, о которых в ней повествуется?» [Halbwachs 1968, 69].

ность полностью охватить сферу коммуникации в общественном пространстве³. Символы представляют собой сложные явления, функционирующие на различных уровнях. На определенном уровне символы можно трактовать в узком смысле как репрезентации данных, отсутствующих или труднодоступных в сфере чувственно воспринимаемого. Как констатировал Кант в работе «Критика способности суждения» в § 59, такие понятия, как «государство» или «священное», неподвластные непосредственному восприятию с помощью чувств, могут быть представлены лишь символически [Kant 2000, 340–343]. На другом, фундаментальном уровне, символы могут обретать более широкую функцию и придавать непосредственному чувственному опыту пространственно-временную форму и логический порядок⁴. Согласно этому уровню значений второго порядка, символы обеспечивают непосредственное интеллигибельное освоение данных опыта, воспринятых памятью и передаваемых с помощью речи, жестов, стилей и движений тела⁵. Таким образом, в сфере общественной жизни, благодаря этим символическим конфигурациям, формируется структура спонтанных знаний интеллигибельного характера, распространяющихся в том же контексте современности, в котором осуществляется коммуникация отдельных индивидов и взаимосвязанных ограниченных социальных групп. Например, в городе пространственное разграничение, позволяю-

³ Более подробный анализ данной проблемы в контексте общей теории коллективной памяти представлен в книге «Коллективная память и историческое прошлое» [Barash 2016].

⁴ Моя интерпретация понятия символа сложилась отчасти под влиянием концепции Эрнста Кассирера. На меня оказала влияние не столько теория символических форм, которую он изложил в своем труде «Философия символических форм», сколько его концепция «первичных форм синтеза» (Urformen der Synthesis) – пространства, времени, количества, функционирующих благодаря символическим формам (см.: [Cassirer 1972, 26]). Более подробно я рассматриваю эту тему во введении к книге «Символическое конструирование реальности: наследие Эрнста Кассирера» [Barash 2008]. Среди источников теории символов я должен также отметить выдающуюся интерпретацию Нельсона Гудмана, представленную им в работе «Способы создания миров», в которой автор в процессе создания своей концепции «создания мира» («worldmaking») прямо ссылается на теорию символов Кассирера [Goodman 2006].

⁵ Тема *habitus* как формы памяти телесного характера, доступной для группы индивидов, получила классическую формулировку в теориях Марселя Мосса и Пьера Бурдьё. См. также на эту тему работу Пола Коннертона «Как помнят сообщества» [Connerton 1989].

шее отличить общественный парк от частного сада или торгового центра, как правило, непосредственно понятно мне и не требует специального размышления на данную тему; аналогично фоновая музыка, которую я обычно слышу в аэропорту, ресторане или церкви, дает мне прямую подсказку об окружающей меня среде. Коллективная память укореняется в сети символических конфигураций, проникая в многочисленные слои, воздействуя на пространственно-временное восприятие и концептуальную логику, развитию которых она придает мощный импульс. Благодаря непрерывности этого потока прошлое и настоящее оказываются связанными в поле опыта современных поколений.

Еще одна интерпретация концепции коллективной памяти позволяет нам выделить не только активные функции памяти в коллективном контексте, но также и *пассивные* слои, находящиеся в глубине символической сети, что укрепляет связь различных аспектов групповой памяти в общественном пространстве. Помимо тех воспоминаний, о которых группы заявляют осознанно, понятие пассивной памяти дает возможность выявить такие воспоминания, которые содержатся в коллективной памяти на уровне неосознанного. С этой точки зрения, коллективная память распространяется не только на акты поминовения, артефакты ушедших эпох, демонстрируемые в музеях, или даже на роль общественности в передаче опыта прошлого, но прежде всего коллективная память представляет собой обширные резервуары смыслов, питающих латентные источники интерпретации, образующие основу идентичности группы. Сеть символических значений отнюдь не является монолитной, она достигает глубоких пассивных слоев данного социального контекста, находится в состоянии непрерывной фрагментации в соответствии с множеством разнообразных точек зрения групп, составляющих ее; эта сеть неизбежно подвержена разрывам, связанным с появлением новых поколений и постепенным уходом из жизни старших членов сообщества. Даже если слова и другие символы сохраняют свою общезначимость на протяжении нескольких веков, специфические нюансы их смысла и употребления имеют более ограниченное значение, доступное конкретным социальным группам людей, живущих в определенное время с присущим ему историческим контекстом. Эти нюансы подвержены изменениям, часто малозаметным, вызванным процессом перехода настоящего в прошлое за пределы живой памяти современников. Фрагментация и разрывы

исторического контекста являются следствием конечности живущих в настоящем социальных групп. По причине ограниченности временной протяженности этого контекста *память* не способна преодолеть горизонт настоящего и проникнуть в отдаленные сферы глубокого исторического прошлого. Кроме того, память в собственном смысле слова не играет решающей роли и влияет лишь косвенно на процесс исторической реконструкции, задачей которой является восстановление знаний о прошлом.

Таким образом, понятие коллективной памяти позволяет выявить огромное количество разнообразных временных контекстов. По мере того, как связанные с контекстуальными различиями нюансы стираются и исчезают из памяти современников, непрочные метаморфозы символического основания опыта групп, проистекающие из пассивных источников, по большей части погружаются в область забвения. Подобное забвение имеет тенденцию размывать содержательный контекст временного поля живой коллективной памяти, не тождественной знаниям об историческом прошлом.

Несмотря на убедительные и теоретически обоснованные возражения Козеллека против понятия коллективной памяти, его глубокая концепция открывает перспективу временной ограниченности сознания человека, а его исторические исследования демонстрируют специфику сферы памяти живущих в настоящем поколений по отношению к историческому прошлому. Немецкий ученый аргументирует свою позицию, обращаясь к анализу акций поминовения усопших и изменения их восприятия в различные исторические эпохи. Отношение к памятникам погибшим в конкретные периоды истории раскрывает специфику сферы памяти живущих в настоящем поколений и ее трансформацию после их ухода из жизни. Данная интерпретация, как мне кажется, наглядно иллюстрирует представленную мной концепцию коллективной памяти. В заключение я процитирую фрагмент, заимствованный из статьи Козеллека, впервые опубликованной в 1979 году, «Памятники погибшим как основание для идентичности последующих поколений», наглядно выражающий его подход к проблеме памяти: «Поддерживаемая с помощью памятников идентичность распадается: с одной стороны, из-за того, что данные чувственного восприятия не удастся изложить посредством формализованного языка; с другой стороны, поскольку по мере того, как формы конституируются, постепенно изменяется сама языковая среда <...> Большая часть памятников, дошедших до нас из прошлого

века, погружаются в пучину забвения, оставляя после себя лишь поверхностный слой; и даже если их содержат в целостности и сохранности и они доступны для посещения, как правило, их политический смысл изменяется. Политическое значение военных мемориалов прошлого иссякает вместе со смертью последних очевидцев событий <...> Опыт и политические призывы крайне сложно передать после ухода из жизни современников завершившейся исторической эпохи с присущими ей социальными институтами» [Koselleck 1998, 59–60].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Barash 2008 – *Barash J.A.* Introduction // *The Symbolic Construction of Reality: The Legacy of Ernst Cassirer* / ed. by J.A. Barash. – Chicago: University of Chicago Press, 2008. P. ix-xx.

Barash 2016 – *Barash J.A.* *Collective Memory and the Historical Past*. – Chicago: University of Chicago Press, 2016.

Cassirer 1972 – *Cassirer E.* *Philosophie des formes symboliques*. Vol. 3. *La phénoménologie de la connaissance*. – Paris: Éditions de Minuit, 1972.

Connerton 1989 – *Connerton P.* *How Societies Remember*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Goodman 2006 – *Goodman N.* *Manières de faire des mondes*. – Paris: Gallimard, 2006.

Halbwachs 1968 – *Halbwachs M.* *La mémoire collective*. – Paris: Presses Universitaires de France, 1968.

Kant 2000 – *Kant E.* *Critique de la faculté de juger*. – Paris: Flammarion, 2000.

Koselleck 1979 – *Koselleck R.* *Darstellung, Ereignis und Struktur* // *Koselleck R.* *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979.

Koselleck 1998 – *Koselleck R.* *Les monuments aux morts comme fondateurs de l'identité des survivants* // *Revue de Métaphysique et de Morale*. 1998. N° 1. P. 33–61.

Koselleck 2003 – *Koselleck R.* *Historik und Hermeneutik* // *Koselleck R.* *Zeitschichten: Studien zur Historik*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2003.

Koselleck 2010 – *Koselleck R.* *Der 8. Mai zwischen Erinnerung und Geschichte* // *Koselleck R.* *Vom Sinn und Unsinn in der Geschichte*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2010.

Koselleck, Sebastián, Fuentes 2006 – *Koselleck R., Sebastián J.F., Fuentes J.F.* *Conceptual History, Memory, and Identity: An Interview with Reinhart Koselleck* // *Contributions*. 2006. Vol. 2. N° 1. P. 99–127.

REFERENCES

Barash J.A. (2008) Introduction In: Barash J.A. (Ed.) *The Symbolic Construction of Reality: The Legacy of Ernst Cassirer* (pp. ix-xx). Chicago: University of Chicago Press.

Barash J.A. (2016) *Collective Memory and the Historical Past*. Chicago: University of Chicago Press.

Cassirer E. (1972) *Philosophie des formes symboliques. Vol. 3: La phénoménologie de la connaissance*. Paris: Editions de Minuit (in French).

Goodman P. (1989) *How Societies Remember*. Cambridge: Cambridge University Press.

Goodman N. (2006) *Manières de faire des mondes*. Paris: Gallimard (in French).

Halbwachs M. (1968) *La mémoire collective*. Paris: Presses Universitaires de France (in French).

Kant E. (2000) *Critique de la faculté de juger*. Paris: Flammarion (French translation).

Koselleck R. (1979) Darstellung, Ereignis und Struktur. In: Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).

Koselleck R. (1998) Les monuments aux morts comme fondateurs de l'identité des survivants (J.A. Barash, M. Delbraccio, & I. Mons, Trans.). *Revue de Métaphysique et de Morale*. No 1, pp. 33–61 (French translation).

Koselleck R. (2003) Historik und Hermeneutik. In: Koselleck R. *Zeitschriften: Studien zur Historik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).

Koselleck R. (2010) Der 8. Mai zwischen Erinnerung und Geschichte. In: Koselleck R. *Vom Sinn und Unsinn in der Geschichte*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).

Koselleck R., Sebastián J.F., & Fuentes J.F. (2006) Conceptual History, Memory, and Identity: An Interview with Reinhart Koselleck. *Contributions*. Vol. 2, no. 1, pp. 99–127.